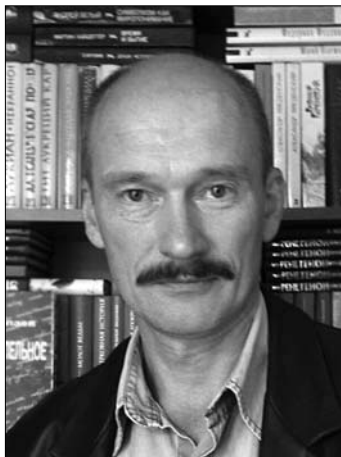

ОЛЕГ ВОРОПАЕВ

ФОРТ

РАССКАЗ

Морозно. Февраль. Я и тридцать “ментов удачи” меняем закиших, засидевшихся здесь обитателей. Прежний командир — копия Швейка. В подусниках, бравый, слегка опохмелённый. При упоминании о пиве и сосисках передёргивается всем телом, нервно вибрируя левой щекой: тик.

— Тёплая постелька, кашка зашибись... — всем своим видом он уже в пути.

К обеду хозяйство принято. Краткий традиционный “фуршет”. И вот:

— По машинам! — командует Швейк, и мне, уже почти с подножки, — Передавать — так всё с потрохами, старик. В Мречетове третий дом от дороги — подруга. Настоящее имя — чёрт его разберёт. Проще — Лика. Только от соседей... Ну сам понимаешь... У них с этим строго. Ксгати, южане о твоём назначении раньше меня знали. Фамилию, там, звание, возраст... Ну это так, информация к размышлению. Удачи!

Швейк отворачивает лицо. Скрежет сцепления, мотор. И караван исчезает в степи, оставляя нам право войны и сырое тепло прокуренных кубриков за бетонными блоками форта.

Следующие пару дней — рекогносцировка. Это по-военному. Проще — осматриваемся. Граница в трёхстах метрах, по лесополосе со рвом почти в человеческий рост.

ВОРОПАЕВ Олег Владимирович родился в 1963 году в г. Заполярном Мурманской обл. Окончил сельскохозяйственный факультет Петрозаводского госуниверситета. Работал зоотехником в хозяйствах Мурманской области и Карелии, преподавал биологию в школе, был разнорабочим в геологоразведочной экспедиции. С 1994 года офицер милиции. Ветеран боевых действий в Чеченской республике. Подполковник милиции в отставке. Член Союза писателей России. Автор нескольких книг стихов и прозы. Живет на Ставрополье.

Выезд манёвренной группы, ночные дозоры, секреты, как запоздалое продолжение детской “войнушки”. Только пожары вдали и выстрелы настоящие. И ещё — ненависть. Прицельная. Южная. Скрытая. Явная. В рукопожатиях. Взглядах. Во всём...

А степь удивительна здесь. Вдохлмлённая. С полдубарханными выбросами песка. Шаг-два — и впадина, да такая, что танк спрячется — не заметишь. Озёра — блюдцами, холодные, мелкие, с множеством уток. А у перелесков и одичалых лесополос редко когда не выскочит из-под ног заяц, лиса ли, не вспорхнёт куропатка.

Вместилище запахов — травы. Зимние неживые ещё, а солнце пригреет — и млеют: душица, чабрец, коктейль ароматов — полынь. И всё это словом одним — *буруны*. В точку, точнее не скажешь.

Ближайшее селение южан — Мречетово. Четыре десятка домов, из которых жилых — половина от силы. Кругом запустенье, грязь. Многие окна в бурых ресницах — следы огня.

У крайнего дома южанин с внушительным, хищно завёрнутым носом копается в тракторе. На дверце и задней части кабины пулевые следы, в разводах облупленной краски — свежие. Южанин всем своим видом выказывает к нам полное равнодушие, и только в нарочито небыстрых движениях его угрюмая нервность.

Входим в селенье. Ощущенье вхождения в зону прицела. Со мной трое из тридцати — самых отчаянных. Готовность убить, о которой так долго твердили на “курсах войны”, — для них “не вопрос”. С ними надёжно.

Третий дом с краю. Я помню. Но сразу нельзя. В одной из обжитых хатёнок пожилой хитроватый хозяин приглашает на чай. “Спасибо. Не надо. Кто в доме?”

— Жёны мои, — чешет в затылке.

Заходим. Действительно — две женщины. Старшая смотрит презрительно, с вызовом, младшая — мягче, с усмешкой (как выяснится потом — горная снайперша). В некрашеной мебели, в серых коврах — чужая неясная жизнь.

Оборачиваюсь к вошедшему следом мужчине:

— А молодёжь где? Воюет?

— Скажу нет, командир, не поверишь. Промолчу, можно?

Прощаясь, протягивает руку. Пытаюсь не заметить, но в последний момент отвечаю коротким пожатием.

Третий дом с краю... Неуютность облупленных. Во дворе одинокое дерево, обугленное у корня.

— Здесь ждите, — не узнавая свой голос, произношу я. Три тени отходят в сторону... Скалясь, закуривают.

Грузная дверь. Небольшая прихожая. Кухня. И комната с низким окном. Ковёр на полу. На полках и просто в углу — книги... Гамсун, Набоков, Рембо...

— С обыском или в гости?

Оглядываюсь. Близко на низкой тахте сжатой пружинной — женщина-кошка. Колени у глаз.

— Лика?

— Да.

— Лика.

— Что?

Некрасива, а впрочем, довольно мила. Губы слегка тонковаты. Времени мало... Я ночью...

— Не стоит. Ночью я к озеру выйду.

— Обманешь.

— Зачем? Ты же снова... Знаю... Инстинкт... основной... — усмешка.

— И всё же...

— Да, — тихо, одними губами.

С наступлением сумерек, проверив наряды и отдав обычные распоряжения, по возможности незаметно выбираюсь из форта. Наряд на вышке, конечно, в курсе. Ночное движение в зоне обстрела опасно. У приграничного рва, досылая патрон в патронник, оглядываюсь. В слепящих, светящихся кольцах прожекторов форт кажется кораблём пришельцев.

Вот и озеро. Собственно, это даже не озеро, а какая-то удлинённая сигарообразная лужа с дёготно-чёрной водой и поросшими камышом топкими берегами.

Безветрие и шелест камыша странны. Признаться, камышовые заросли всегда казались мне каким-то особенным существом, не знающим тишины.

Отыскиваю место посуше и по возможности удобное для обзора. Усталость последних дней тяжелит веки. Иголочки нервов в ногах и спине. Напротив — осколок дороги. Ближняя и дальняя её части за бурунами. Зеваю. Бодрюсь. Не уснуть бы. Вглядываюсь в часы, но стрелок не различить. И вообще неудобно, жутко. Основной инстинкт? Основной инстинкт. Под пальцами холод оружия. Тень на дороге. Она? Не она? Замирает...

— Лица.

Она. В мужской камуфляжной куртке. Ближе. Медленными шагами, как к эшафоту. Вот и лицо различимо, тонкие губы в помаде.

— Не верил?

— Не знаю...

О чём говорить? Ведь непременно же надо о чём-то! О римлянах древних, к примеру, легионерах... Но рядом, сквозь одежду — движение её плеч, и это заводит.

— К тебе?.. — волны соблазнов всех предков-мужчин вибрируют в горле.

— Не надо... Сегодня...

— К чёрту “не надо”!

Пуговицы. Бессчётное множество пуговиц. Плечи... и тёплая грудь.

— Холодно... — губы дрожащие, тонкие, с привкусом мяты.

Зачистка. Нас перебрасывают в чужую “зону”. В незнакомых посёлках — безопасней и легче. Едем “на броню” приданного БТРа. Наш “Урал” неуклюжей железной коровой пристроился сзади. Прохладный утренний ветер скользит по лицу, вбираясь за воротник. Прикрываю глаза и чувствую, как медленно вязну в трясине какого-то оцепенения меж явью и сном. И вот уже — явь не явь, а маленький северный город, и в нём моя мама, совсем молодая, у серого облупленного подъезда хрущёвской пятиэтажки. И если это не фото, то рядом должен быть я, в берете и белом плаще по моде “шестидесятых”. За плечами ранец. Я — первоклассник. Отец фотографирует, смеётся: “Эй, спичка, глаза в объектив!..” Отца давно уже нет. А мама всё в той же “хрущёвке”. Одна.

Вот и селенье южан. БТР притормаживает так резко, что кто-то из вперёдсмотрящих едва не улетает под колёса. “К машине!” Мои “головорезы” и приданные силы ВВ, весело переругиваясь, сыплются с “брони”, разбираясь в шеренги. Краткая постановка задачи, и через пару минут: “Вперёд!”

Намеренно или намеренно-случайно в домах южан всё ставится с ног на голову. Хрупкое — разбивается, сыпучее — рассыпается, ценное — исчезает. Вначале пытаюсь преиятствовать. Но скоро понимаю, что видимость порядка — лишь в зоне моего присутствия. На улице подходит улыбчивый “старлей” — командир ВВ:

— Первый раз на зачистке?

— Угу, — мычу вполоборота, обсуждать это с кем бы то ни было, что не хочется.

— Ну и... впечатление?

— ... (перехожу на ненормативную лексику).

— И зря! Эти зачистки — единственное средство заставить их убраться отсюда. В горы. За реку. Куда угодно.

Он прав. Прав, конечно. И жалости к южанам у меня нет. И всё же...

В одном из ближних дворов — крики, возня. Что там?.. Навстречу мой старшина. Его костлявые руки с засученными, несмотря на февраль, по самые подмышки рукавами, победно потрясают поржавелым обрезом.

— Нашли, нашли, командир! И патроны к нему!

Обладателя обреза выволакивают следом. От страха глаза его мертвенно-неподвижны. Он молод. Лет двадцать от силы. Какой-то солдатик из приданных, резко, почти без замаха, сует ему кулаком в лицо.

— Ты вчера в наших стрелял, собака!

Я запоздало встаю между ними.

— Из ружья стреляли, командир! — “приданная сила” лягает ногой скорченное оцепенелое тело.

— Разберутся! — ору, не молчать же... Господи, сам-то хоть верю? Парня скорей всего перекупят.

А рядом уже другое лицо. Женщина. Перекривленный рот. Что-то кричит, без конца повторяя: “ца-ха” — брызжет слюной. Мать. Соседи в высоких шапках поодаль “цокают” языками. Из перебитого носа задержанного кровь быстрой струйкой стекает ему на грудь. Красное пятно всё больше и больше.

— Уберите его! — я... или кто-то? Крик или шёпот?..

Обладателя обреза заталкивают в машину. Хлопает дверца. Женщина, встав на колени и воздев руки к небу, кричит на своих ошалелых “ца-ха” нечто, не требующее перевода. Потом, как в каком-то дурном спектакле, совсем оседает. Через несколько минут, отъезжая, вижу её в той же позе. Грязные шупальца-пальцы царапают землю.

На отшибе ещё один дом. Последний. В хозяине — сдержанность. Вежливость страха. Сын взрослый. “Где-то на пастбище”. В одной из комнат — спортзал. Силовые станки, сработанные вручную — дерево и железо. На подоконнике “магнитофон-батон”, кассеты рядом. Вставляю одну за другой. Ритм боевых барабанов. Мотив одинаков. На земляном полу — одноразовые шприцы. Инъекции кайфа и мужества. Быт молодого южанина. Самый обычный. На выходе в качестве контрибуции прихватываю сборную гантелину из нержавеющей стали. Военный трофей. Последний и первый.

...Темнеет. Пора возвращаться, но пара глотков разведённого спирта и Лика ломают реальность.

В квадрате окна коптящий огонь далёких нефтяных скважин. Два факела-близнеца, приближенных ночью.

— Неужели всё это действительно с нами? — шевелятся тонкие губы. — Не странно тебе, что ты вообще здесь, в этом чужом, неясном для тебя настоящем, и что ты пришёл сюда убивать, и, может быть, быть убитым.

— Об этом... Зачем?

— О чём же? О сексе? О “Фаусте” Гёте?

— Хотя бы.

Улыбнувшись, она прижимается ближе.

— Знаешь, а я полукровка.

— И тебе это нравится? — по-моему, я пьян (вопрос странен).

— Не то чтобы... Просто я сама не могу понять, кто я.

Она говорит, но друг-алкоголь уютной волной делает слух мой всё больше прозрачным. Что ж, говори. Приятно, что рядом. Даже не кто-то... А именно... Кто? Полукровка? Понятно. Училка? Так что же?.. Но школы здесь нет. Даже начальной. Родные и близкие... Просто... Случайно и просто... Одна...

Но если ещё... на час... полтора — в форте сыграют тревогу.

Пора!

— Лика.

Руки змеиным кольцом: “Не уходи!” Скажет? Не скажет?

Нет. Распадаются руки.

Два факела-близнеца провожают до форта.

У соседей ЧП. Расстреляна группа дозора. Четверо. Днём. Не ночью. В насмешку их сложили крестами. Двое с контрольными выстрелами. Судя по повреждениям автомашины, били из четырёх точек. Одновременно.

До вечера “по тревоге” утюжим окрестности. Никого, кроме нескольких чабанов. И те разыгрывают полоумных. Сдохнут скорее, чем что-то расскажут.

Небо над нами песчаное, тихое. Бог... Если Он есть, конечно... Кажется, в жёлто-светящейся взвеси этого неба не выжить... Даже Ему.

— Командир, — кричит мне водитель, — соляра на исходе. На базу пора. Или самих нас тут грохнут.

Киваю: “На базу”.

В форте до странного тихо. Без вечернего гогота и матерного гула из кубриков. Прохожу к себе и, не зажигая света, сижу, уперевшись глазами в за-

вешенное газетой окно. У нас без потерь. Пока без потерь. Пока... Ударили в рельсу. К ужину.

В столовой тепловатый чай — залпом. И на территорию. Холодная, приторная темнота, как паутина, охватывает без остатка. Мгновение смерти такое же чёрное, вязкое, верно...

— “Тиха украинская ночь”.

Вздрагиваю, отступая на пару шагов. Фу ты... Радист. Приданная сила. Из Питера. Чувствую перегар.

— Пьян, Беленчук?

— Не, пиво только...

— Завтра же в штаб. А там пусть решают.

— Отвянь, командир! — и дальше фальцетом: — Ну завтра, что хочешь, хоть в штаб, хоть режь, хоть стреляй! Но дай одному... одному побыть дай!

Будь. Хрен с тобой. Отхожу, унимая нарастающее в груди клокотанье. Обострять глупо.

Ночь, и огромные птицы над фортом. Белые пятна в прожекторном свете. Сонные крики то тише, то громче. Время проверки нарядов. Зябко, ещё и туман. Выхожу на бугристый, выложенный кирпичом “плац-пяточок” и замираю, задрав голову.

— Опять гуси-лебеди, — преувеличенно бодро орёт постовой с вышки, — третью ночь...

Поднимаюсь к нему. Наверху ещё холодней. Птицы совсем близко. Кольцо их то уже, то шире. Вееры-крылья, и кажется холод от них. Гуси — не гуси? Вскидываю автомат и одиночными — долго и часто...

— Есть! — кричит постовой. И сразу же тяжкое тело о землю. — Есть!

Внизу, в вагончиках, быстрозатихающая возня. Кто-то из наряда тянет птицу к свету. Японский журавль. Венчик — корона. Красная книга.

Протягиваю руку, раненая птица больно клюёт в запястье. “Вы убиваете птиц. Зачем вы убиваете птиц?” Это откуда?.. Театр Ионеско? Белые птицы...

Лица. Полузакрытые глаза. Волосы распущены. “Нет водки. Водки нет”, — шепчет.

— Лица, я журавля убил.

— Зачем?

— Не знаю. Какой-то он странный. Чудной, большекрылый. Скорей, альбатрос из Бодлера. Только без моря.

— С хандрой и матросами. Матросы — твои автоматчики. Ради Бога, не трогай литературу. Лучше скажи — здесь у меня ты поэтому?

— Да.

— Нет водки, прости.

Нет журавлей. Пусто над фортом. “Серая” новость — волки. В горах бои, и обнаглевшие, объевшиеся мертвечиной звери пришли в буруны. Ночью они обступают форт и воют самозабвенно и грустно: соло по очереди или хором — на несколько голосов. До трёх-четырёх часов. Потом уходят. “Взять” волка заманчиво. Уж тут чабаны не скупятся, сразу барана, а то и двух, хочешь — под нож, хочешь, так бери... Наряд с вышки нет-нет да постреливает.

— Не волки, оборотни какие-то, — снайпер Володя щурится в оптику, — вроде выцеливаю.

Володя — снайпер-фанатик. Его СВД — игрушка. На выездах он пеленает её, совсем как младенца. То, что над этим смеются, — ему безразлично. Спокойный и тихий, с доверчиво-мягким взглядом, даже и выпьет — ни лишнего слова. И зарубок на прикладе у него нет — не в характере. Откинув лет двадцать, Володю вполне представляю партийцем-тихушником.

“Ленин и партия”. Южане и волки.

— “Я помню, я помню, носились тучи по небу, жёлтому, как новая медь...”

— Совсем как сегодня. Почему Гумилёв?

— Предчувствие трагедии у него — высшая мера. В конечном счёте, выше самой трагедии. Сегодня, вчера — всё равно.

— Никогда не думала об этом. Он просто мне близок. Особенно “Заблудившийся трамвай”... Мороз по коже.

— А “Жираф”?

— Красиво, но как-то слишком... Ты был женат?

— Это что-то изменит?

— Был, значит?

— Как-то давно, студентом ещё, провожал одну даму. Из ресторана. Только познакомились. Идём, болтаем, а у меня одно в голове: как бы её в общагу затащить. Дама роскошная — в золоте, в норковой шубе. А тут — в общагу, с клопами и пьяными “разборками” в коридорах. Вдруг слышу — догоняет нас кто-то, издали что-то кричит. Догнал. Я понять ничего не успел, а он мне как врежет — губы вдребезги. От второго удара я чудом ушёл, его в ответ подцепил, и, видно, удачно — смотрю, он уже на асфальте. Но лёгкое сотрясение, похоже, у меня всё-таки было, потому что фрагментами — фары, слепящие справа и слева, и дама моя посреди дороги руками размахивает, такси тормозит...

На заднем сиденье, крахмальным платочком стирая мне кровь:

— А кто это, знаешь?

— И кто же? — глотаю солоноватый комок, — Мохаммед Али?..

— Муж мой, — и дикая гордость в глазах.

В общагу мы не попали, слонялись по городу, были в гостях у подруги её, такой же ухоженно-нежной — в халате... И где-то ещё, где не помню... Потом как-то встретил её, раза два... с мужем. Под ручку.

— К чему эта притча?

— Так. Просто. О браке...

— О браке, о драке, — смеётся. — А завтра весна Ты чувствуешь — завтра...

Жёлтое солнце и ветер. Март. Вощёным паркетом трава на склонах.

Прихватив ружьишко (АК за спиной), спешу на озёра. Птицы на них и зимой вдосталь, а теперь и совсем — перелёт. Подкрадываюсь долго, почти ползком. Ломкий кустарник карябает руки. Грязный болотный пух облепляет одежду, лезет под брюки и в рот, колет в носу. Ох, не сдержусь же!

— А-чи! — чих мой лучше всякого выстрела поднимает на воздух утиное братство. Всё, без остатка. Вот это подкрался! С досады “дуплю” в уходящую, свистящую крыльями стаю. Без толку. Столько усилий.

Продуваю стволы. Заряжаю. Левый — “нулями” на зайца, правый — картечью — “на что покрупней”. Напрямик до форта километра четыре, лесом длиннее, но дичи поболее.

На севере лес как лес. Вошёл — и с концами, как в море. А здесь — островками, смурной и колючий. Чужой. Карельские ламбы и ельники мрачные — ближе. Но что это? Ясно. Предельно. Копытная дробь. Всадники? Сколько их? Распластываясь, вжимаюсь в землю. Топот отчётливый, тяжкий. Почти на меня. Вот... И в бурном просвете движение голов. Человека и лошади. Лишь на секунду — глаза. Что-то ещё. Видел? Не видел?.. Медленно выдвигаю ружьё. Близко. Совсем. Шапка из кожи мехом вовнутрь. Прямо в стволы. Сдвоенный выстрел. Звон в голове. Уши прижав, лошадь прибавила прыти. Всадник — тряпичная кукла, вскинув руками — в траву. Выдох и вдох. Встаю на колени, целиком превращаясь в пульсации слуха. Нет! Никого! Лошадь — одна — дальними, утихающими ударами. С дрожью в ногах — к месту паденья! Ещё заряжаюсь: может быть, ранен? Только бы не легко. Никчёмный АК бьёт по лопаткам. Вроде бы здесь. Или подальше? В задранной, перекрученной куртке болотного цвета — ничком. Рука под грудью, вторая выброшена вперед. След по траве. Полз. Немного, но... может быть, жив?! Жду. В спину стволами. Не дышит...

Что-то не так? Оружие... Нож... Безоружен?!

Сдерживая прилив тошноты, переворачиваю тело. Горбоносое, заросшее ржавой бородкой лицо. Примерно мой сверстник. Под глазом, слегка приоткрытым, тёмная точка. Такая же, с тонким кровоподтёком — на шее. Подрагивающими руками расстёгиваю куртку и рубаху. Грудь и живот целы. От прикасаний к тёплой одежде мутит. Значит, в лицо и в шею. И всё...

Два шарика смерти...

В форте: “Старший наряда, ко мне!” Через минуту слушаю обстановку: — Не появились... не замечено... на связь регулярно... отдыхающая смена после бани просит...

(Бог даст — не напыются.)

— В пределах...

— Есть... понял... в пределах... ещё...

Обрываю:

— Свободен.

С сапёрной лопаткой под курткой — *к нему*...

Оружие у южан — в специальных “забросках”. Пастух у “заброски” уже не пастух, а вольный стрелок. Особенно в ночь...

Кто ты, рыжебородый?..

“Всё лучшее — генералам!”

В штабе суета сует. “Генерал Горлодав!” — изо всех углов. “Гор-ло-дав! Гор-ло-дав!” — у бака с объедками полаивают собаки. “Гор-р-лодав!” — с высоких тополей откликаются им грачи.

В штабе не в форте — цивилизация. Женские лица по кабинетам.

— Развелось генералов! Мёдом им тут намазано, что ли? — командир сводного отряда Балдасов не скрывает мрачности. — По линии постов... Никого не пропустит... Сон и всякие там выезды отменяю, сидеть на местах и ждать — длиннющие пальцы его музыкально колотят об стол. — Особенно “пятёрки” и “тройки” касается, вечно у вас там или спят, или сопли жуют...

“Пятёрка” и “тройка” — наши соседи. На “тройке” командир совсем мальчишка. Вид у него классически-лопоухого второгодника. Если из его “русского устного” убрать цензурную брань, “великий и могучий” сожмётся до уровня междометий. К тому же он заикается и подчинённых своих иначе как “мои ху-хун-венбины” не называет. Командир “пятёрки”, Петрович, полная ему противоположность. Во-первых, он стар свыше всяких пределов, а во-вторых, “выражается” редко. Недавно его наряд остановил мотоциклиста-южанина, документы были в порядке, а на вопрос: “Что в люльке?”, — тот, не спеша, достал из неё автомат и полоснул проверяющих очередью. По счастью, не насмерть, но Петрович с тех пор в бессрочной опале.

— ...поэтому не знаешь, какой сержант тебя уволит, — завершает со-вещание Балдасов.

Генерал действительно решил прокатиться по всей линии. Моя задача — сопроводить его от подконтрольной нам промежуточной вышки через форт до следующей “высотки”. А вот и он... Меж двух пропылённых и мятых-перемятых “уазиков” джип его, удивительно резкого красно-вишнёвого цвета, кажется этаким ёлочным украшением, свалившимся в буруны прямо с неба. Скрип тормозов, хлопки дверей. Сам генерал невысок, но широкой кости, с лицом угрюмо-бульдожьим.

— Как служба, сынок? — спрашивает неожиданно добродушно.

Сынок — это я. Рапортую. “Ем глазами...” Вид у меня, похоже, в полном соответствии с бессмертным петровским указом — “лихой и слегка придурковатый”.

— Ну-ну, — усмехается Горлодав, протягивая руку. Ладонь у него горячая, пухлая, но не вялая. (К людям с вялым рукопожатьем у меня необъяснимая антипатия.) — На вышке почему пусто?

— Опасно, товарищ генерал, раскачивается. Как ветер — особенно...

Вышка — чугунная труба со скобами-ступенями внутри и дощатым “гнездом” наверху. В дурную погоду она клонится так, что видно даже с земли, находящийся же в фанерной коробке автоматически вцепляется во что угодно, напрочь утрачивая способность мыслить о чём-либо, кроме собственной безопасности.

— А ведь я предупреждал — постового на вышку, — четко поставленным голосом вылезает штабная “шестёрка”.

— Показуха это, товарищ генерал. На вышке опасно. Болтов в основании где нет, где проржавели насквозь, — вступается Балдасов, из длиннющих своих пальцев скрытно сворачивая мне кулак, — сейчас ветерок неболь-

шой, но если хотите, товарищ... можете сами попробовать... — перст его картинно вытягивается вверх.

— А что?! — пышная фигура штабиста кидается на дверь-амбразуру.

Наверху, впрочем, она так и не появилась. После недолгих движений в трубе:

— Ступени не все, и вообще, грязно там, товарищ генерал, — “лощёная шинель” смущена.

— Что ж ты, Балдасов, гвардию мою под откос? Ох и змей, — басит Горлодав и вдруг взрывается смехом, — ох, ох... ох и поднял же настроение, ох! Вот тебе сразу и Варшава, и Прага, братец! Вот тебе и показуха! Ох, ох... Однако пора. Разборы полётов потом. — Суровеет.

Согласно субординации — все по местам. Джим — генералу. Мне старый “Урал”. До следующей “вышки” я впереди... К чёрту “полёты”, к чёрту “разборы”, всё к чёрту, и генералов с их лампасами — тоже.

Всё лучшее — никому.

Разборы полётов. Командир “пятёрки”, Петрович, уволен. (“Да вы охренели! Проспать генерала!”) Балдасову — выговор, ну и т. д.

Время... Скоро домой, время?

— Лика.

— Да.

— Я скоро уеду.

— Скоро — когда?

— Несколько дней.

— Мне плакать?

— А сможешь?

— Конечно.

— Почему-то сегодня мне хочется верить, что где-то, когда-то... ты — рядом...

— Забавно. И я бы тебя удержала? Так странно. В каких-то несчастных двухстах километрах отсюда люди не знают войны. А мы?.. Мы сразу же станем чужими в их мире.

— А здесь?

— Здесь?.. Не спрашивай лучше. И правда сейчас разрыдаюсь, — смеётся.

— А ты? Как же ты?

— Не знаю. “Что с нами будет, подумать ужасно...” Сейчас хорошо. А завтра?.. Не знаю... И ехать мне некуда, да и не на что, кстати.

— А если бы?

— Если?.. Отстань. Обними.

Ночью подошли бензовозы. Огромная колонна урчащим левиафаном застыла внизу у шлагбаума. За мою смену — третья. Первые две к всеобщему неудовольствию я завернул. Южане, кстати, парламентёры отменные. “Без мыла...”, как говорится. Вот и эти — двое из ларца — кто кого “переулыбит”. Южная фальшь.

Молчанье форта обманчиво. На самом деле все, включая поваров, на огневых точках. Ждут. Игра так игра.

Ставка! — карандашная дрожь на бумаге.

— Мало.

Переглянувшись — накидывают ещё. Удваиваю. Улыбочки — “в нитку”:

— Вай-вай, зарезал, совсем без ножа, сплошай...

Загнул. Не без этого. Но ведь ведутся же, черти... Бегают глазки. Купюры — в рулонах. Тяжёлые. Первый. Второй. В обе ладони.

— Можно!

Взлетает шлагбаум.

Часть “выигрыша” сдаю старшине. От веса купюр он весь поджимается, будто вот-вот и — вприсядку:

— Ого!

Дальше — по-братски. Сколько оставит себе старшина, не знает никто. Но если уж “выплывет” что — фамилии не спросят.

За риск командир берёт половину. В этот раз я взял больше. Но, судя по улыбающимся на утреннем разводе лицам, — прошло.

Раскованность реплик. О колонне ни слова.

— Р-равняйся! Смирна!

Скоро домой, и голос мой свеж.

— Когда?

— Завтра... по-моему, в полдень.

— А задержаться? — быстро взглядывает в глаза и снова в сторону.

— Ты же знаешь.

— ...

— Лика.

— ...

— Я человека убил.

— Это не птицу... тогда?

— Да... или почти... Лика, вот деньги. На “угол” и койку. Не в Москве, конечно. Немного добавишь и хватит. Только не здесь...

— Бензовозы?

— Не важно.

— Спасибо. Знаешь, а я возьму. Пусть не уеду. Просто — фантом реальности. А тут много. Ты прямо Крёз в погонах. Жалеть не станешь?

— Когда-нибудь... возможно.

— А что, если рядом с тобой? В одном городишке...

— Не надо.

— Шучу, командир. Испугался? А вот что! — не хлопнуть ли нам, как ты говорил?..

— Почему “говорил”?..

— Потому что... Ты правда — убил?!

— ...

Головой на колени.

— У меня неразбавленный.

— Буду.

— Spiritus vini. За что?

— Глупый, конечно, за нас...

Пересмена затянулась. Отъезжали под вечер, почти по-тёмному. Удаляющийся форт вспыхнул огнями “периметра” вслед, в который раз напомнив гигантскую “летающую тарелку”, неизвестно зачем залетевшую в эти места.

На стыке лесополос бесцветно мелькнуло Мречетово.

ДЕЗЕРТИР

РАССКАЗ

Зоя спешила домой. День будний и дел под завязку. Для топки набрать сушняка-травостоя за речкой, из той же реки и воды наносить. Поесть приготовить. Насчёт “приготовить” не сильно-то разбежишься, но можно картошки сварить, да и перловка пока ещё есть... Уроки, конечно... Но это уж само собой.

Зое — двенадцать. Пятиклашка. С подружками бегать да в куклы играть — самое время. Но в куклы — тайком... От кого? От мальчишек. Узнают, задразнят. Станица казачья, и казачата-мальчишки воинственно бесцеремонны.

Февраль 43-го. И месяца не прошло, как с мамой, райкомовской служащей, вернулись они из эвакуации. А были в Азербайджане, в предгорьях...

Людей в станице Советской заметно ubyло. Бабы да старики в основном, ну и дети, конечно. Случается, и военный мелькнёт, а вместо руки рукав заправленный...

Воюют мужики. Отец у Зои уже майор. Начальник финчасти боевой дивизии. А Фёдор, брат, так тот в артиллерийское училище, со школьной скамьи “прямой наводкой”. Оттуда под Сталинград. И дома уже “отметился”, после ранения. Осколочное — в ногу... А месяц назад — второе. Тяжёлое в этот раз. Теперь всё госпитали меняет... никак не поправится.

Открыла Зоя калитку, а на снегу треугольник — солдатский конверт. Ух, ты!.. От своих, не иначе — фронтовиков. От радости даже в жар кинуло. Но что это?.. Нет на конверте обратного адреса. И почерк ещё... “Бородулинной Ольге Сергеевне”... совсем незнакомый... Не “похоронка” ли? Да нет же, не может быть!.. Похоронки приходят в конвертах казённых. А тут — треугольник. С мыслями этими зашла в дом. Письмо положила на стол и долго смотрела на почерк. Нет, не знаком... Эх, надо бы маме снести! Но любопытно же... правда?.. и никакое это не преступление... подумаешь...

Вскрыла... и с первых же строк поняла — беда! Беда чёрной птицей нависла — над домом, над мамой, над ней!

А строки такие: “Дорогая Ольга Сергеевна! Не знаю, поймёте ли Вы меня? Простите ли? Я убежал из-под конвоя. Арестовали, как дезертира. Ушёл с передовой. Испугался. Сначала оглох от разрывов, а тут эти танки, и прямо ко мне, и грохот, и лязг! Я и сам не знаю теперь, как это случилось и как в лесу оказался, не помню. Офицер меня сразу застрелить хотел, но пистолет дал осечку. Он в зубы мне этим же пистолетом. Всё равно расстреляют, сказал. Потом конвой. Зазевались они, и сбежал я. Вот, к Вам пришёл. Никого у меня нет, кроме Вас. Вы же знаете. Мы в детдоме мамой Вас называли. Помогите мне, мама! Сиж у вас в сарае на чердаке. Хорошо, что солома тут. Но холод ночью такой был, что думал уже выйти и сдаться. И пальцев на ногах почти не чувствую. Два дня ничего не ел. Хотя бы поесть дайте. А ночью я дальше пойду. Не знаю куда. Всё равно расстреляют. Пишу Вам и плачу. Что я наделал! Ведь мне девятнадцать всего. Сергей Смирнов, Ваш воспитанник”.

Зоя вышла из дома и оглянулась на сарай. За что это им? И что теперь делать? Но человек этот там... и плохо ему... и голод, и холод...

Только теперь заметила она у лестницы, ведущей на чердак сарая, следы.

Сунув письмо в карман пальто, Зоя побежала в райком. Мама её служила в райкоме помощником первого секретаря Морозова — человека волевого и жёсткого (при оккупации станицы командовал партизанским отрядом), но в грамоте слабого. До работы в райкоме четыре года была она воспитателем в детском доме, а потом и его заведующей.

Зоя поднялась на второй этаж и, увидев, что мама в кабинете одна, обрадовалась:

— Мамочка, ты только не волнуйся!..

— Что ты, доча?! Что-то случилось?! С папой?! С Федей?! — Ольга Сергеевна переменялась в лице. — Ну, говори же!

— Вот, — Зоя протянула конверт.

— Это ужасно! — дочитав письмо, Ольга Сергеевна тут же убрала его в сумку и медленно опустилась на стул. — Ты, конечно же, прочитала?

Зоя заметила, что руки у мамы дрожат.

— Да... Я думала, это с фронта... Я не хотела...

— Говорила кому-нибудь?

— Ну, что ты, мам!.. Я... я всё понимаю... не думай...

— А ты понимаешь, что если я не выдам его, меня арестуют?.. И расстреляют, скорей всего. За укрывательство... А тебя в детдом отдадут! Это ты понимаешь?

— Да, мама... Но ведь никто не узнает. Никто! А ему там холодно, он ведь замёрзнуть может... совсем замёрзнуть! Он твой воспитанник, мама! Спасать надо!

Зоя разрыдалась и кинулась матери на шею.

— Спасать... спасать... — смахнула набежавшие слёзы и Ольга Сергеевна. — Ладно, успокойся...

Вошёл Морозов:

— О! Что это тут происходит? С фронта... плохие вести?

— Нет-нет, Иван Иванович... Из-за двойки это... Зоя двойку получила сегодня и плохо себя вела. В школу вот... вызывают...

— Вы это бросьте мне тут!.. Ишь!.. А ты, — он погрозил Зое пальцем, — ты прекращай мать расстраивать. Чтоб это в последний раз! Ясно?

— Угу... — Зоя закивала.

— Ольга Сергеевна, я на совещание. В Георгиевск. А вы тут смотрите... Сегодня спецпочта. — Морозов потрепал Зою по плечу и вышел.

Оставшись одни, дочка и мать долго сидели молча.

— Мам, — Зоя вдруг оживилась и заговорила быстро, почти захлёбываясь, — а давай вот что... Давай мы пойдём к Симонову Семёну Михалычу и всё ему там расскажем. Он человек военный. Военную форму носит. И он всё на свете знает! И с папой они друзья...

Ольга Сергеевна замахала руками:

— Что ты, бестолковая... что ты?! Симонов кто? — начальник районной службы госбезопасности! Он ловит врагов народа, предателей Родины, шпионов и диверсантов! И дезертиров тоже!.. А мы прямиком к нему?! Здаётся, мол... наше вам с кисточкой!.. Да если он, Симонов... если хоть как-то поможет нам... крышка ему! Никого не помилуют!

Зоя опустила голову и снова заплакала:

— А как же Сергей, мама? Он не виновен!.. Ты же читала!.. Ну что же нам делать?!

— Мы не знаем, насколько виновен Сергей. Покинул фронт — уже виновен. Да ещё в бою сбежал!

— Он испугался! Теперь-то он понимает...

— Нам не легче от этого. А, знаешь, Зоя, права ты, пожалуй. И выхода другого, похоже, у нас нет... Расскажем Симонову... Пусть решает. Не только же “энкеведешник” он... Он же и человек ещё... ко всему...

Бородулины и Симоновы дружили семьями, поэтому в кабинет к районному начальнику госбезопасности Ольгу Сергеевну с дочкой пропустили запросто.

— Ага! Делегация! — человек в майорских погонах поднялся и вышел из-за стола. — О!.. Это, что это?.. Да на вас лица нет! Случилось что?.. С Фёдором Максимычем? С сыном?

— Семён Михалыч, у тебя говорить-то можно? — Ольга Сергеевна обеими руками встряхнула протянутую ей крепкую мужскую ладонь. — Дело у нас серьёзное.

— Говори, не бойся. Садитесь. — Симонов выглянул за дверь и крикнул: — Меня ни для кого нет!

— Вот... Зоя расскажет... Давай, дочка!..

Девочка рассказала о том, что приключилось с ней после школы, а Ольга Сергеевна, порывшись в сумке, достала и протянула Симонову конверт. Тот взял его не сразу. Лицо его по мере рассказа всё больше становилось как-им-то восковым, а пальцы, сцепленные в замок, стали вдруг неестественно белыми и сжались до хруста.

Дочитав письмо, он шумно вздохнул:

— М-м... да!.. Задал задачку парень. Всех нас втянул, получается. Но я вижу, ты хочешь спасти его? Так ведь, Ольга?

Ольга Сергеевна не сразу узнала в стальном этом тоне голос своего давнего знакомого и друга их семьи.

— Да, Семён Михалыч, хочу. Помогите ему! Только ты теперь это сможешь сделать... Все мы в твоих руках.

— Ладно тебе! Про руки хоть помолчи! Плохо, что Зоя твоя всё знает. Она ещё дитя неразумное... Не понимает, насколько серьёзно всё это... Жизни теперь на кону. Наши жизни! Кто-нибудь видел тебя с письмом? Говорила кому?..

— Я разумная, Семён Михалыч! Никто не видел! — Зоя подняла на майора опухшее лицо и приготовилась опять разреветься. — И-и... всё я понимаю! Я никому!.. Не думайте даже!..

— А ну-ка!.. Прекратить мне тут водные процедуры! В общем, так! Мне надо сначала с парнем поговорить, узнать обстоятельства, а после этого уже и решение примем. А сейчас домой давайте... Как хорошо стемнеет, и я пойду. И больше про это никому! Ясно?!

Ольга Сергеевна кивнула.

Дома было холодно. Запаса травы-сушняка не густо. Да разве про запас её наготовишь? Сухостой... он как порох... А в степь — уже поздно. Да и волки ещё, как стемнеет, к станции подходят.

На остатках сушняка сварили немного картошки.

— Недоварилась маленько... ну уж... какая есть, — Ольга Сергеевна отобрала три картофелины, достала из “зачки на чёрный день” кус сала. Отрезав от него половину, уложила с картошкой и хлебом в газету. — Вот, Зоя, снеси-ка ему. Под пальто спрячь, а оттуда пучок соломы возьми, будто за соломой ходила. И воды вот... — наполнила и протянула фляжку, подаренную кем-то из военных во время эвакуации.

Зоя вышла во двор и крадучись пробралась к сараю. Соседи с одной стороны — дед да бабка, с другой же — солдатка с детьми мал-мала... И люди-то безобидные, в общем, но мало ли что... Поднялась по лестнице:

— Эй! Не бойтесь! Вы где? — тихо позвала Зоя и вдруг испугалась: “Брошу ему тут всё и скорее назад!..” И следом: “Эх, ты, трусиха несчастная!..” Позвала ещё раз:

— Эй! Где вы?

Из темноты протянулась рука и схватила её за рукав.

— Тише ты, тише... Не бойся... Здесь я... Господи, как же мне холодно!..

Зоя отдернула руку:

— Вот, поешьте. А потом я опять приду. И будем все вместе решать — что делать. Пора мне... а вы подкрепитесь пока... И сами не бойтесь.

— Спасибо. Хорошая ты... И Ольгу Сергеевну мы очень любили. — Парень осторожно взял Зою за руки и притянул ладошками к своим щекам.

Щёки были мокрыми и очень холодными...

Неловко освободившись, Зоя спрыгнула вниз и поспешила к дому. “Про солому-то забыла! Вот же растяпа!”

— Ну что?.. Там он?.. — брови у Ольги Сергеевны сдвинулись, образовав на лбу глубокую поперечную складку. — Ну! Говори же!..

— Ой, мамочка, как же мне его жалко. Совсем замёрз. Он даже говорит уже медленно...

— Сам виноват. И некого тут винить...

— Так он и не винит никого, мам...

Ольга Сергеевна помолчала и вдруг улыбнулась:

— Мальчишкой в детдоме Серёжка задиристый был... Но добрый, а главное, честный. Литературу любил. Лермонтова особенно... Все книги в библиотеке перечитал. Историю тоже... М-да... А математику — нет... Не шла математика... Сидели с ним вечерами на пару... решали... Но смысленный он был... всё равно смысленный... Давай-ка и мы повечеряем, дочка. Как говорится, чем Бог послал.

— Мам, что ты?! Бога же нет!

— Нет, конечно. Но я-то когда родилась, был ещё... Вернее, не знали тогда мы, что нет его. Оттуда и все мои присказки. Не обращай внимания... Поешь давай... Хорошо ещё, что свет у нас есть, — Ольга Сергеевна щёлкнула выключателем. — Отстояли электростанцию. Не дали взорвать. Партизаны наши, с Морозовым во главе. Бой завязали, немцы и отступили... Взрывчатку потом выносили... два ящика взрывчатки было...

Ужин запивали чуть тёплым кипятком.

Симонов вошёл без стука. Притопнул, оставив под сапогами бороздки снега.

— Ох, и темень на улицах! Ни одного фонаря! Ну, ничего... наведём порядок! Верно я говорю, Оля?

— Верно, верно... Ты проходи, Семён Михалыч. Холодно у нас. Не раздевайся. И извини уж, чая не предлагаю. Согреть нечем.

— Ладно с чаем... Перебьёмся! Где он, беглец-то ваш?

Симонов улыбнулся. Было заметно, что он уже что-то придумал — так не похож был этот уверенный в себе человек на того побледневшего в служебном кабинете майора.

— Сейчас, Семён, сейчас... Сходи за Сергеем, Зоя. — Ольга Сергеевна подвинула гостю стул.

— Ты аккуратнo... Осмотрись сначала. И чтобы... ни соседей... ни прохожих... — Симонов наклонился и жёстко глянул девочке в глаза. — Ты понимаешь?!

— Я аккуратнo. Вы даже не думайте. Я же взрослая...

— Да уж, не по годам... Ну... С богом!

Зоя выскользнула за дверь... А через несколько минут она уже тянула через порог солдатика с приставшей к его шинели соломой.

— Вот он...

Увидев человека в военной форме, тот бросился было назад, но, сбитый ударом в плечо, осел. Прикрыв руками голову, захрипел:

— Не бейте! Сдаюсь!

— Дурак! Чего ты орёшь?! Цыц! — Симонов, ухватившись за шинельку, втащил дезертира в комнату. — Садись и не бойся!

Затравленно озираясь, солдатик угнезвился на табурет. Увидев свою бывшую воспитательницу, потянул было руку, но тут же и уронил:

— Ольга Сергеевна... зачем вы так?! Вы же мама?! — говорил он неестественно медленно, растягивая слова, как пьяный.

— Сергей, успокойся! Совсем ты, бедняга, замёрз. А мне и согреть тебя нечем. Эх, ты!.. — Ольга Сергеевна подошла к нему ближе и, обняв за голову, прижала к груди. — Мальчишка ещё... А уже и воин! Уже и дел на творил...

Сергей успокоился и прикрыл глаза.

— А Семёна Михалыча ты не бойся. И не смотри, что в форме... Это наш друг. И мы теперь вместе все думать будем, как тебе помочь. Ты слушай, главное, что он скажет... И делай... Как скажет, так и делай... А сапоги снимай. Немедленно! Я тебе сейчас новые портянки нарежу. Теплей всё будет...

Вынув из комода портняжные ножницы, Ольга Сергеевна вышла в соседнюю комнату. Симонов раскурил папиросу и, щурясь от дыма, рассматривал беглеца:

— Ну!.. Теперь уж в подробностях... Всё как было. И смотри без вранья чтобы. Почувствую, что врёшь, — всё! — майор рубанул рукой, — разговор окончен! Ясно?!

Сергей начал сбивчиво, с дрожью... Однако по мере повествования голос его всё больше выравнивался. Было занятно, что этот сбежавший солдатик не просто владеет словом, но даже умеет через мелкие подробности высветить главное.

Зоя сидела в углу и чувствовала, как быстро колотится у неё сердечко. Когда же она невольно всхлипнула, Симонов тихо, почти по слогам, сказал:

— Ты это... парень... на жалость-то не дави. По существу давай!

Выслушав до конца, он спросил у беглеца номер его части и примерное её расположение... Тот ответил. “Кто командир?” Назвал.

— А тот офицер, который... ну... пожалел тебя, в общем... он ваш? Строевик?

— Не думаю. Нет! Скорей всего, “СМЕРШ”. Не знаю, товарищ майор, я точно не знаю!..

— Товарищ... товарищ... — Симонов опять закурил и выдохнул дымом. — Гусь свинье не товарищ. Это тебе хоть ясно?

— Так точно! Това... гражданин... я не знаю, как правильно, — паренёк вскочил, оправляя шинельку, и тут же сник, неловко переминаясь босыми ногами по полу.

— Эх, ты! Воин... мать твою!.. Садись уж...

Вошла Ольга Сергеевна и протянула бойцу отрезки фланели:

— Вот... обувайся, что ли... Спокойней, Серёжа!.. И не пугай ты его, Семён Михалыч. И без того уже стреляный он...

— Не пугай... не пугай... На фронте я бы и сам его расстрелял. Рука бы не дрогнула. Да что уж тут... чепаху-то молоть! Ладно!.. Зоя, ты выйди во двор и смотри, чтобы никто сюда не зашёл... Пока мы тут... решать будем. Ольга Сергеевна, одень-ка её теплее. Замёрзнет ещё, не дай Бог... чадо твоё.

Уж очень хотелось бы Зое остаться, послушать — что дальше? Да разве поспоришь. Хмыкнула было...

— Давай-ка, дочка!.. Давай!.. — подтолкнул её Симонов к двери. — Не в куклы играем! Ещё неизвестно, что будет... и будет ли...

Говорили долго. Раз двадцать за это время Зоя выглядывала за калитку. Но улица была пустынна... и только бездомная псина, а может, и чья-то, скулила неподалёку...

Ну вот наконец-то вышли. Симонов шагал впереди. Сергей — чуть поодаль. Зоя сделала вид, что зашла домой, но, выскочив тут же, устремила следом. А что если всё это... был спектакль? Для них, для неё и мамы... и Симонов Сергея всё-таки арестует?

— Сюда! Сюда! Скорей! — майор потянул солдатика в тьму, к разрушенному бомбой дому. — До следующей ночи побудешь здесь. Подвал тут. Хороший подвал. Тебе в нём не так уж и холодно будет. И чтобы ни звука, ни грюка мне! Понял?

— Есть — ни звука!

— За день документы выправлю, а ночью заеду. До фронта километров сто — сто пятьдесят. Так что успеем. А там, как возьмут тебя в клещи, про всех нас забудь. Слышишь, забудь! Хотя слово выдают из тебя... и конец нам! Погибай, но молчи!

— Есть погибать! Есть забыть! Това...

— Цыц! Слушай! — зашипел Симонов. — Скажешь, в лесу был. А как оказался там, не помнишь. Бомбили. Контузия... лёгкая... Потеря памяти. Так и тверди. Выучи и тверди! Как молитву! Как “Отче наш...” Усёк?!

— Товарищ майор, я не знаю молитв...

— Ха!.. Дурак, он и есть дурак!.. Ладно, спускайся. А я тебя сверху чем-нибудь приваляю пока. Еду и тёплое одеяло принесу... Жди! Если до утра не появилось, уходи... Сам. В сторону фронта. Не сопи! Полежай! Легенда та же — бомбёжка, контузия... дальше не помнишь, потеря памяти... И к Ольге Сергеевне чтоб — ни ногой!

О чём они говорили, Зоя почти не слышала, но теперь она точно знала, что Симонов Сергея не арестует и можно бежать домой.

Симонов зашёл через день и, снова попросив Зою выйти, поведал Ольге Сергеевне о том, как вёз он её воспитанника к самому фронту; как несколько раз останавливал их патруль, но, увидев документы майора госбезопасности, тут же и отпускал, поясняя, как следовать дальше; как благодарил его Сергей; как клялся, что ни словом и ни “полусловом” не обмолвится он ни о них, ни о станице Советской...

Закончилась война. И мужа, и сына дождалась Ольга Сергеевна. Вернулись и как будто с нуля зажили. Говорят, повезло. Неждавшихся, сколько их?! Кто посчитал бы... А сын-то израненный весь... Но ничего, жив да и ладно...

Год 1951-й. Симонов уже подполковник. На повышение в Пятигорск “ушёл”. Встретившись с Ольгой Сергеевной на одном из совещаний “актива”, отвёл её в сторону:

— А что, Оля, писал тебе наш дезертир? Сергей, кажется?

— Было письмо. Одно, правда... В сорок шестом ещё...

— О чём же? Не помнишь?

— Как же не помнить, Семён Михайлович! Помню, конечно. Писал, что в штрафбате три месяца был. Потом ранение. Госпиталь. И снова на фронт. Но не в штрафбат уже... Что воевал героически — два ордена и медали ещё... До Вены дошёл и снова был ранен. Легко в этот раз. На Дальний Восток по той его часть перебросили. Повоевал и там. Там же и на сверхсрочную остался. Благодарил. Спасибо, мол, что поверили... Так вот... Ответила я. Коротко, правда... Не отзывался больше.

— Хороший расклад получается, Ольга Сергеевна! — Симонов улыбнулся. — А, может быть, даже... и самый лучший! Не зря мы рискнули, выходит...

Никому и никогда не рассказывала Зоя эту историю. И только через семьдесят лет — мне, своему сыну.